

Александр Петрушкин

ТЕТРАДИ 2016 ГОДА

Александр Петрушкин

Тетради 2016 года

«Издательские решения»

Петрушкин А.

Тетради 2016 года / А. Петрушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905484-5

Книга включает в себя все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2016 году. Книга представляет собой часть поэтического проекта «Тетради», включающего в себя стихотворения, записанные с 2000 года по настоящий момент.

ISBN 978-5-44-905484-5

© Петрушкин А.
© Издательские решения

Содержание

«Хорошо лежать у неба...»	7
Пташка	8
«Наскальный человек, живущий внутри ...»	9
Стеклотара	10
«С лицом холодным между крыл...»	11
«Где липы комната пуста...»	12
«Здесь свет всё заслоняет – даже свет...»	13
«Сад возьмёт твой след...»	14
«Бессмертник – ксерокопий наблюдатель...»	15
«Метель, почти синица, чепуха ...»	16
Воронка	17
«Немолодая пара тишины...»	18
«Удивительна ненависть и фонограммы...»	19
«Жук дождя меня во ртах...»	20
«Округлый голос голубей...»	21
«О, бедная моя природа...»	22
«Невинность предпоследней нас покинет...»	23
«Утро фосфор ангельский порежет...»	24
«Рассыпешься, словно был снег...»	25
«Что за сила покинет зерно...»	26
«Иная очередность поворотов...»	27
«Скрученную ласточкою стужи...»	28
«Ты проводишь крота детских губ из земли...»	29
«Тепло, как флюс, торчит из февраля ...»	30
«Весло на пряжу распуская...»	31
«Барьер из дерева и сна...»	32
«Велосипед дождя катается по крышам...»	33
«Что со мной остаётся ...»	34
«По контуру совы...»	35
«Где ночь лежала у виска ...»	36
«Созреет ранет и разбрызжет птицу по ветру...»	37
Государь	38
«Выдох наизусть печёт...»	39
«Испаряются птицы, слетая на свет...»	40
Остров	41
Ключ	42
«Как недостроенная церковь – дом в снег войдёт...»	43
«Воздух сгущается в птицы воронку...»	44
«В мороза колокол ударив...»	45
«Так выпадают сгустки темноты...»	46
«Где древа дирижабль преодолет смерть...»	47
«Опередит окрестности зрачок...»	48
«В уловке соляной из нашего остатка...»	49
«Вниз головой растут деревья...»	50
«Закрывая очи осам...»	51
«Не знак, не Бог и не причина ...»	52

«Где мнимый соловей летел...»	53
«За воздухом стеклянным лошадь спит...»	54
«Руины неба = свет и язвы...»	55
Лопаты и львы	56
«Человек, в луне качаясь...»	57
«Дом окружён водой земли...»	58
«Дом окружён водой земли...»	59
Существительное	60
«В ледяной и восковой Москве...»	61
«О, ветки тяжёлые птицы...»	62
«Человек [цепь и пёс вещества...»	63
«Это что? – вагон десятый ...»	64
Стансы	65
Форточка	66
«Сиротствует ли тело...»	67
Анестезия	68
Смотритель	69
«Кадры беспорядочны. Идёшь...»	70
Кролик	71
«Сбор майский нарциссов, трамваев и птиц ...»	72
Подкидыш	73
Крыжовник	74
«[цитата луга] бабочка летит...»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Тетради 2016 года

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5484-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Хорошо лежать у неба...»

Хорошо лежать у неба
под пробитой головой,
чья прозрачна полусфера —
электрической дугой

хорошо, не умирая,
воздух ложкою скрести,
в смерть персты свои влагая,
воды сквозь неё мести,

хорошо в обнимку плакать
вслед за смертью своей —
и на цыпочках из рая
выдувать шары светлей,

затихать всей тьмы темнее —
с непришитой головой —
воробьиной печкой полным,
с ангельской, как речь, иглой.

(16/01/2016)

Пташка

И радость ласточки, и рукава садов,
и слово, что уловлено в садок,
и жженья пятнышко на языке чернильном,
в котором жизнь покажется недлинной,
но спутанной, где нас воды глоток
предождает, ко всему готов,
среди предметов, что поют из линий,

где каменеет бледный Господин
от нас содеянных из радости и льдин,
и сброшенных, как мясо, сожалений —
всё это атом, что обнимет нас,
и понесёт в полёте, через мрак
в каком-нибудь созревшем мандарине,

с женой моей, прозрачными детьми,
которым мы всё зренье возвратим
жестокое, двойное, кем поднимем
свинцовых ласточек мы в разрывной полёт,
где птаха с неба отрывает ход —
срываясь в воздух, что собою пилит,

где в кольцевых, как выдохи, стволах
произнести не успевают «ах»,
но падает почти что без усилий,
кем радостно падение садов —
когда дыханье наше нас не ждёт,
в своём мерца атоме мгновенном.

(01/2016)

«Наскальный человек, живущий внутри ...»

Наскальный человек, живущий внутри —
не соблюдая временную жуть,
напяливает камень на пальто,
улиткою, по имени никто,

он совершает одиссею, путь —
попробуй за него, как тьма, скользнуть
и отразишься в вечности его,
которая, как изморозь, в стекло

сложилась вслед за пропуском твоим
где дворники мигают с лобовым
горячим задыханием ворон,
что в трещинах тройных несут урон —

когда-нибудь и я внутри оживу
тревогу принимая, как жену,
пергамент, иероглиф и Урал —
ни для чего, который здесь соврал.

где камень, разрываясь, как орех
запоминает птичий тонкий смех —
и крутится внутри его спираль,
как человек, который долго спал

(18/01/2016)

Стеклотара

Сергею Ивкину

Густы бутылки нашего дыханья,
которые – средь осени звеня —
теряют все права на поражение —
в её плавильне точного вина

«Вина их высока – и это право
хранить они устали» – говоря
так – дворники и грузчики устало
салятся справа, плакая в меня.

Я не горжусь своим прекрасным правом
взять на себя за речь свою вину
прямую, как портвейн и – грузчик Ваня
меня глотнёт и в тьму, и в глубину.

С густой бутылки станет он прозрачным
и полетит, как шарик надувной,
туда где вся вина меня лишь значит
и ничего не значит предо мной.

А на причале вглядываясь в наши,
холодные, как кашель, голоса
сгущаются улыбки или чаши,
в левиафана животах галдя.

(18/01/2016)

«С лицом холодным между крыл...»

С лицом холодным между крыл
и лошадиным ликом
не спрашивай – зачем я был
в твоей земле и дикой
зачем я жаждал речи, и
на рыбе бессловесной
своё дыханье рисовал,
как память о чудесной
твоей невидимой воде,
что между нами всходит,
как раненый слюдой олень,
как на заре уродец,
без серебра и без цены
зачем почти что даром
собою лошадь я поил
с которой рядом падал,
зачем, как бабочки, пруды
дыханья спрятав кокон,
как ангелы вокруг прямы
и крестятся из окон?

(19/01/2016)

«Где липы комната пуста...»

Где липы комната пуста
пока под нею Бог горит,
и – дерево свои уста,
его коснувшись, опалит,

где утка размыкает дождь,
сшивая за собой места,
где выпал вверх ногами свет
снег сосчитав в себе до ста —

там темнота моя стоит,
как дева [стыд] свои соски
разтерев до молока
парного из моей тоски,

где листья, словно мертвецы
горят, как лампочки легки,
и хворостом стрекоз шуршат,
кровавая чёрные виски —

там ящерка, прижав к себе
свою мясную наготу,
бликует, как сгоревший лес,
и дует в чёрную трубу,

и выдувает липы в парк,
и птиц, которые густы,
летят, сгорая до угля
и камня, не в себе чисты.

(20/01/2016)

«Здесь свет всё заслоняет – даже свет...»

Здесь свет всё заслоняет – даже свет,
который я вписал неосторожно
в круг снега, в стыд свой, в то, чего здесь нет
а если есть – наверняка подложно.

Наверняка причины нет такой,
чтоб длить моё ему принадлежанье
и потому я в нём стою босой,
наколотый на иглы из молчанья.

Из треска додревесного его
я, вынутый рукою деревянной,
теперь лишь света стою одного
и свету заслонённому неравен.

(01/2016)

«Сад возьмёт твой след...»

Сад возьмёт твой след
и пойдёт, как кошка, сквозь тень —

человечек, что спит в середине,
поёт целый день.

День лежит в середине его
и прекрасен внутри,

как ключи, что из скважин
звенят, словно кошки когтями,

и царапками сны
в животах надувных их скрипят,

где следы, как птенцы,
то умрут, то сады воскресят.

(21/01/2016)

«Бессмертник – ксерокопий наблюдатель...»

Бессмертник – ксерокопий наблюдатель,
отцвёл и ты, как конская коса
воды, что спит внутри у готовален,
когда внутри её течёт оса,

и чертит волдыри и полукруги
в немыслимом, как смерть, поводыре,
и лошади похожие на дуги
кусают отражения в дыре

твоей, бессмертник, но скорее данник
последних отражений – слепота
бумагу обнимает и светает,
как циркуль неба изнутри ведра.

(21/01/16)

«Метель, почти синица, чепуха ...»

Метель, почти синица, чепуха —
пурга словесная на столике портвейна
плывёт по небу плотному песка,
чья приоткрыта ангелам всем дверца.

Плывут по небу ангелы мои,
чья плоть небрежна, непреодолима,
чей куст всегда пылает изнутри —
пока здесь плоть на хлеб с вином делима,

и смотрят вслед за музыкой моей
той, что плывёт по небу всякой плоти
по воздуху, зажатому рукой,
и с ключиком глагола в повороте.

(22/01/2016)

Воронка

Постепенные как рыбы
ходят, плачут между нас
снега вьющиеся глыбы,
как воронка или лаз,

но едва начнётся ветер
из пернатой тишины —
рыбы высохнут, как дети,
на песке своём черны.

И, когда в прозрачной сети,
ты здесь плачешь за меня,
распрямяя камни — светит
чёрно-белая земля,

где рукой своею рыбной
разломивши черноту,
рыбная душа, просветы
вертит взглядом, как черту.

(20—23/01/2016)

«Немолодая пара тишины...»

Немолодая пара тишины,
которой даже ангелы слышны,
переступает человеческий слух
и невозможно более вздохнуть,

чем тройка, что по дому на санях
себя продлит в приподнятых снегах,
в морозе, в шапке волчьей, в рукаве
у лошадей неназванных кровей,

у твёрдой, молодой ещё, воды,
где бабочкой просверлены ходы
записаны как будто человек
побуквенно минует выдох, век

своих не размыкая, слепоту
жуя, как смех или мороз, во рту.

(24/01/2016)

«Удивительна ненависть и фонограммы...»

Удивительна ненависть и фонограммы
света, в котором нам шлёт телеграммы
каменный пёс, что из кадра ушёл —
в смысле музыку отсюда увёл.

дом ли скрипит, ощущая прорехи
эти подземные и извлекая
воды свои многоплодные – эти
воспоминания почвы и рая,

где непонятная стая твердеет
окоченев под просмотренным снегом,
после бежит через пропуски неба
или [точнее] становится гневом,

но удивлённым, как только собаки
это умеют, открывшие двери
для мертвецов, что за бок их хватают,
вспоминая отсутствие веры.

Скрипнет оконце чужой фонограммы —
некто его утирает от влаги
с той стороны, где потьма не бездонна,
но терпеливо растёт в красном маке.

(25/01/2015)

«Жук дождя меня во ртах...»

Жук дождя меня во ртах
своих держит, как сапожник,
из травы связав верстак,
где живой, неосторожный

жук себя со мной проносит
в грозди тающей земли —
от игрушек человеческих
сохрани меня, спаси.

(01/2016)

«Округлый голос голубей...»

Округлый голос голубей
как парус катится сквозь мячик
январский, никому-ничей,
свои края сказав иначе,

чем я его произнесу
холодной мельницей из пота,
в которой птахи на лету
звенят сквозь дерево потопа,

где отражается десант
из веток нищих и прозрачных,
что плаваются в узлах воды,
как бубенцы её двузачны.

(26/01/2016)

«О, бедная моя природа...»

О, бедная моя природа,
ты в слове плачешь надо мной —
пологая вода, погода,
деревья, тёмный перегной,

два-три прохожих, чьи не-лица
сметёт метель под полый снег,
грачи, снегирь или синица
delete чей растирает смех.

Жена и дым, два-три подростка
собака, что запишет двор,
и ангела просвет-заточка,
что колят левое ребро,

и спиртовые неба гвозди,
забитые в мои ключи —
не говори со мной, стрекозья,
теперь – по множеству причин.

(27/01/2016)

«Невинность предпоследней нас покинет...»

Невинность предпоследней нас покинет
в слезе что, оплатила весь проезд,
сбегая из трамвая человечка,
не чая боле перемены мест,

обозначает мягкий и округлый
беременный, как маменькин, живот
у Бога, что за нас умрёт упруго,
и, что возможно, нас не обождёт.

Опять, опять метла из побережья
темна и высока, а внутрь светла,
опять невинность ей кидает слёзы
которые из птиц сих испекла,

в ком мы, определив себя и место,
шуршим своей бесполой чернотой,
которое веретено и тесно,
а если и выходит, то слезой.

(28/01/2016)

«Утро фосфор ангельский порежет...»

Утро фосфор ангельский порежет
на деревьев мякоть и сквозняк,
вложит насекомые колени
в воздух их мерцающих заплат.

Отрывное зрение пространства,
повзрослев, уходит в водоём,
захлебнувшись зреньем, как пожаром,
утерявшим, словно чаек, дом.

Ты считаешь клевер, оступившись,
в паутины распускаясь весь,
чтобы свет на пауке увидеть,
на котором вырастил дверь в лес.

И когда по оттепели тонкой,
ты себя вслепую проведёшь —
холод из сустава камня вынув —
глаз его надорванный зашьёшь.

(29/01/2016)

«Рассыпешься, словно был снег...»

Рассыпешься, словно был снег,
обочинный след переполнив
из всех своих белых прорех,
где стыд твой разрежен и горний.

И вякнет монетка свой звук
неслышимый и неподвижный,
упав с тёплых век у старух
к похлёбке у ног чечевичных.

Но, если колеблется смерть,
здесь рядом с тобой оказавшись
то стоишь её ты, как лист
деревьев своих, вдоль пропавших,

когда рассыпается свет
и трогает свой позвоночник
как [в комнате детской] ночник
свой выдох, что падает в дочек.

(30/01/2016)

«Что за сила покинет зерно...»

Что за сила покинет зерно
сделав петли у стебля черней
в затворённое дно удлинится,
[из следов и корней

свяжет птицу и тень шерстяные,
и список имён,
вложит в глиняный рот
а затем, как ожог, разобьёт]?

Что за выдох здесь был
и на вырост зачем тебе дан —
как порушенный август и хвостик
синичий? И в токе семян

выбран ты, и зашит в своём теле,
как в шубы январь,
выдыхая лицо, как ожог,
что течёт за зерном в киноварь?

(31/01/2016)

«Иная очередность поворотов...»

Иная очередность поворотов,
животных, световых шумов-ежей,

что обгоняют души и пилотов —
огней своих монашеских нежней.

Ты поднимаешь, что проговорила,
что уронила в темени бултых —

вода расходится среди немногих женщин
и трещин, растворившихся на них.

Ты понимаешь, ты не говорила,
и ты не существуешь здесь ещё —

возможно, что тебя сейчас забыло
здесь время – то, которое ничьё.

а хлеб преломлен неба низкой призмой,
когда ты начинаешь мною жить

и сыплешься вокруг меня так дивно,
что вечность забываю как не быть.

(01/02/2016)

«Скрученной ласточкою стужи...»

Скрученной ласточкою стужи
[пожалеть бы, зрячего, меня!]
рядом с теплотрассой проезжают
три похожих на стекло коня,

ямы двухсторонние обходят
и, пугаясь цыканья копыт,
ломким льдом сшивают обе доли,
как французы лёгкими иприт.

Постепенный шум, в них начинаясь,
срежет речь их, деревянный мост,
как весло из вида упуская
в ласточке восшедшей на мороз.

(02/2016)

«Ты проводишь крота детских губ из земли...»

Ты проводишь крота детских губ из земли
до открывшейся в тёмное небо воды —

никого не случается в комнате той,
что с тобой породнилась своей темнотой.

Никого не включаешь, словно ангела свет
белый выключил так – будто ангелов нет,

и сочтется пернатая кровь из воды,
поделивши её на гусей и следы.

(02/2016)

«Тепло, как флюс, торчит из февраля ...»

Тепло, как флюс, торчит из февраля —
ещё одной зимы оборванная ветка

летит – не долетит – но взяв стрижа
как компаньона, станет здесь пометкой

и полем, и Батыем для зимы,
которая печёт в груди чечётку —

пока мы ей, как веточки, видны
когда заходим в кадр [не свой] нечёткий.

(02/02/2016)

«Весло на пряжу распуская...»

Весло на пряжу распуская
ненапряжённо и светло
метёлкою вода взлетает,
высчитывая дна число,

и, выдохнув наружу берег,
как заговор для жабр своих,
внутри её вдвоём смеются
несотворённые мальки.

Плывёт, пузырясь в отраженьи
повязок кровяных, душа,
царапая под горлом жженьи,
прочтённой галькою шурша —

и, на иные встав просторы,
сужаясь в шепот облаков,
метла лакает новый воздух,
свернувший времени кулёк.

(03/02/2016)

«Барьер из дерева и сна...»

Барьер из дерева и сна.
Я верю, что, сойдя с ума,
в них звука сыплется желток
и пузырится, как ожог.

Ожегшись длинною пургой —
земля растёт вокруг трубой
по центру шёпота, стыда
в кровь перекрашенных. Легка

их поступь, их зазор, просвет,
напоминающий, как смерть
летит вокруг как будто жизнь
с ней приключилась и не вниз,

не вверх толкуя свой полёт,
раскрывший клюв, где снег идёт,
где идиот живёт в саду,
её прижавший к животу

в котёнке, в ледяной воде
в диагонали и дожде,
пересекающем барьер,
как слепоту, которых две.

(04/02/2016)

«Велосипед дождя катается по крышам...»

Велосипед дождя катается по крышам,
чьи ангелы из спиц нарушены и слышат —
на цыпочках молитв приподняты своими
промокшими людьми, как мякиши живыми.

И ты идёшь во двор с прозрачными ногами —
искать велосипед, шуршащий между нами,
что слышит, как растут антоновка и камни:
как брат или сестра – касаясь животами.

(08/02/2016)

«Что со мной остаётся ...»

Что со мной остаётся —
то не имеет причины,
вытащит из меня
ножичек перочинный

неумолимое детство
малое там, где шарик
гелиевой рукой
нас в кислород строгают

в Каменске или где-то —
и, потерявши нитки,
шарик по мгле летит
такой же, как лошадь зыбкий.

(07/02/2016)

«По контуру совы...»

По контуру совы
Есть роца, а в ней львы —
В них счастье тоже есть,
Но им его не съесть.

«Где ночь лежала у виска ...»

Где ночь лежала у виска —
зову холодного отца
звездой, молекулой – имён
не выбирая там, как тёрн.

Скрипят здесь атомы, Аид
теряя то меня, то вид,
то хлев нагретый молоком
стекающим, где смерть окном,

как ворон [космос, а не глас]
косится в жизни новый глаз,
встаёт невнятно у виска
канюча люльку у отца.

(13/02/2016)

«Созреет ранет и разбрызжет птицу по ветру...»

Созреет ранет и разбрызжет птицу по ветру,
и вновь соберёт из коллекции местных зеркал —
и лампочку в ней повернёт – и темень в пейзажах разметит,
в дыхания нить часовую обрушив овал

её бесполезного тела – чью пряжу из звука
ранет белый вяжет, как мать свой бугристый живот —
пока свет скрипит в нём повозкою длинной, и чутко
ладони иной стороны в пересвет фотографий кладёт.

где спицы ранета порхают снаружи и в стуже
и птицы всё брызжут, как лодки, в топорной реке —
в кувшинах древесных себя собирают и – глубже
своих отражений – нырнув в задыхания чёрной руке.

(14/02/2016)

Государь

Пишу, пишу депеши государю
в ладонях у размолотой воды
где – словом лёгким намертво придавлен —
как Лазарь собираю в смерть дары,

и – не дойдя в свету до половины
своей вины – смотрю на письма,
которые мне почтальон доставил
на псах своих, чья буква видна

на теменной у паровых сугробов,
у шашек дымных птиц или потом —
предождая встречу, как обломок
его империи, что плещется за тьмой.

(15/02/2016)

«Выдох наизусть печёт...»

Выдох наизусть печёт
стрекозы [немой] полёт
вертикальный (в смысле – полый) —
или всё наоборот:

из полёта, словно выдох,
вынимаешь стрекозу
и в зрачок её вставляешь,
и сужаешь, как слезу.

(02/2016)

«Испаряются птицы, слетая на свет...»

Испаряются птицы, слетая на свет
круговой, как берёза стоящая в божестве —
что, вполне вероятно, получили ответ,
чтоб оставить его на холодном пороге —

и, распавшийся пот раскрутив на груди
рахитичной своей, потому что пернатой,
их фотоны и волны летят впереди
их теней, через снег обернувшись – как атом,

когда падают птицы в своей полутьме
(подзаборной, фонарной) из ада и рая —
и, столкнувшись, разносят хлопья по стране
на окраинах слов и их скрипа сгорая.

Ты возьмёшь себе выдох промокший до слёз
древесины разбухшей от синичьего сока
и окажется мир незнакомым, как плоть,
из которой плывёшь, как большая сорока.

(16/02/2016)

Остров

Андрею Таврову

Обмелели холмы или мельницы их
свет занёс по окружность зрачков лошадиных —
и лежит в земном мясе, один на троих
холм врастающий в небо на пчёлах недлинных,
и свободно вращаются в нём жернова,
холм крошится в муку, что поднимется кверху
и мерцает, как речи живой голова,
и кроится тоской лошадиной по бегу,

он плывёт, как плоды в животах у реки,
что откроются медленней женщин, не сразу,
потому что глубины его высоки,
да и он уподоблен туннелю и лазу
в этих водах, чьи слайды ложатся к земле
и снимают, как Бога, свои опечатки
что оставлены ими на всяком угле
заштрихованным светом — человеческим и шатким.

Вот и трое растут плоскодонкой-звездой,
именуя своё за трещоткою птичьей,
что уносит не холм коготками в гнездо —
только лошадь и звук от неё неотличный,
*а звезда в тёплой птице механизмом шуришит —
то клокочет, то квохчет, то камнем бежит,
кровь тачает, лежит, въцветая
в молоке, что вершится, как амен.*

Холм скворчит на ложбине случайной её —
и целует её жеребёнку, как Бог
в лоб и в темень, в прозрачные лица,
что текут изо лба кобылицы.

(17/02/16)

Ключ

Заводи разговоры со мною, как ключ
ощущая дыхания пот, переключку
с крайним ангелом, что был засеян тобой
в моей плоти песчаной, в эту кислую дичку.

Поверни этот ключ, эту тень на стене,
что скорее болезнь или дверь в переходе,
или свет на запутанной, как бороде,
насекомейшей речи, что в кожаном ходит

этом самом мешке, что несу на себе,
в месте вязком, как речка из мокрого детства,
когда девочка рядом на глине стоит —
и торопится воздух пред нею раздеться.

Заскрипит во мне ключ и вскипят зеркала
и пейзаж разобьется и лица осветят
та, которая здесь мне уже не жена
и дитё – который вода и ответы.

(18/02/2016)

«Как недостроенная церковь – дом в снег войдёт...»

Как недостроенная церковь – дом в снег войдёт,
сметая свет шмелиных лиц в слепой полёт,

края свои или углы внутри неся,
в огнях тройных ломая то, чего нельзя

произнести и пронести, в скорлупке свой
звучит – как будто из полен сложен – прибой

и в окнах тех, где агнец помнит о тебе
среди колец от наших лиц, шмелям теплей,

когда летит вокруг церквами снегопад
и разоряет, как голубка, ничейный ад.

(19/02/2016)

«Воздух сгущается в птицы воронку...»

Воздух сгущается в птицы воронку,
где, покидая смерть и сады,
многоугольный губастый свет вяжет
тощей зимы разрывные снопы

в белые пятна, всплывая отцами
что оплатили слепой листопад,
режущий смерть их надвое серпами.
Милюя малых, щенков и котят —

воздух свергается в пристань и лодки
в плод из слюды бормотания в них
полых стрижей в досоветской пилотке,
в плот, прорастающий бабочки чих,

что в тростнике – от мороза нечётком —
незавершённый даггеротип,
словно душа, покидает иголку,
водоворот двухсторонний разбив.

(21—22/02/2016)

«В мороза колокол ударив...»

В мороза колокол ударив,
из всех особенных примет
языка дерево стоит
и щурится на хладный свет.

Свет щурится, вглядевшись ниже,
чем дерево его звучит,
и пёс кору из света лижет
чтоб свет собою напоить.

Вода резная, как наличник,
стоит вдоль пёсью окна —
то вздрогнет сквозняком, то вынет
свой лай из птичьего огня,

из винтового, как порезы
на мгле из наших голосов,
которых в вязанках немного,
что светом прибраны в улов,

чьё дерево растёт и множит
колокола воды, чей звук
несёт упругий, невесомый —
как мячик – ангел или стук

умножен ксероксом мороза,
что в свет вторгается с ольхи,
подростком встав на перекрёсток,
где псы и люди высоки.

(02/2016)

«Так выпадают сгустки темноты...»

Так выпадают сгустки темноты
на дно царпин белых побережий,
которые мне сохраняешь ты,
как новую последнюю одежду.

Я – черно-белой фотокарточки своей
галчонок, выкормыш у смазанного тела,
которое достанется земле,
которая вырастает в меня слева —

пока что снег летит сквозь самолёт,
в подземный мир распавшийся на зёрна —
и небо окормляет и клюёт
мои царпины мерцающего дёрна.

(23/02/2016)

«Где древа дирижабль преодолеет смерть...»

Елене Зейферт

Где древа дирижабль преодолеет смерть
и почву, как прилог, и белое молчанье,
чьи соты и поклёп перегибают сеть
воды, из рыжих ос ворующей дыханье,

у дерева внутри, там, где зиянье птиц
спиральный лабиринт распустит в листопада
ракушку, что бежит в глаголице корней,
как побережье и/или причина сада.

Неосторожный сад в её волне растёт
и омуты, как нить, в свои вдевает жабры,
где кровь, как сом, в сетчатке у ангела плывёт
и ищет, словно звука, обёрнутой им жажды.

(24/02/2016)

«Опередит окрестности зрачок...»

Опередит окрестности зрачок,
размоченный свой ветер через порох
февральский вынося туда, где враг
взрывается, как ворон-дурачок.

По глине виноградари идут —
молчат они, стучат медуз подковы,
глазея в високосной мглы редут,
в который вбиты – хоть и не готовы.

Насмешливый снегирь определит —
в нас выдохнув – окрестности, означив
порезы снега, что внутри летит
своих потёмок, где хлопущки плачут.

(28/02/2016)

«В уловке соляной из нашего остатка...»

В уловке соляной из нашего остатка,
где пустота горит просвечивать звезду —
мы ощутим: не смерть рождается – отвага
идти на темноту,

что уточкой поёт, сужается до звука,
где ночь ещё скворчит, как Волга или март,
или сирень растёт, одолевая мрака
воронку, слово, фарт.

Что скажешь ты прорабу, входя в его чертоги,
сочась внутри у света разорванной водой,
которая свершает и сносит соли пропись
усохшею рукой?

(28—29/02/2016)

«Вниз головой растут деревья...»

Вниз головой растут деревья
неотличимые в деталях,
в порыве или двух от ветра
где холода себя зеркалят —

в стволы их прорастает почва,
как влага, листья, мгла и стая —
корою птиц, стрекоз
улова сустав увечный разгибая

по человечьи так, как голос
себя разматывает в эхе,
в окрестность синюю, как полоз
саней в экранном чёрном снеге,

где баржи ос [пока что мёртвых]
скрипят в окраинах недлинных,
клубком зияющим мерца
внутри у белых комьев глины,

где сны выходят, как деревья,
в ушанке грачьею, на охоту —
палят душой подземной в небо,
вращая в звуки, как в пехоту.

(07/03/2016)

«Закрывая очи осам...»

Закрывая очи осам,
ржавым лампочкам весны,
плавит цапля сгустки сосен
яблоком сквозным, глазным

кожуру смолы снимает
и в колодец их гулит —
как дуга не умирает —
в электричестве сквозит

птиц плетение смешное
в белом хворосте небес,
видит зёрна паутины
зреют в ледяной росе,

Это ангелы – смыкаясь —
запирают в глаз пейзаж,
и их тёплые ключицы
в вёдрах осами дрожат.

(08/03/2016)

«Не знак, не Бог и не причина ...»

Не знак, не Бог и не причина —
вставал с утра и видел: камень
был вплавлен в небо белой призмой,
плывут в спасение кругами

деревья, впадшие в окружность,
как в ересь, в юность или в брёвна —
и Плотник их берёт снаружи
и тын выстраивает ровный,

где снег бредёт, так будто время
расставленное между нами,
как будто сбрасываешь бремя
проросшее сквозь смерть словами,

проросшее и страх, и храмы,
и клубни ангелов на пашне,
где облака велосипедов
сверкают водяной поклажей,

где в свиток развернулся камень,
как знак и Бог или причина,
вставая утром слишком ранним,
пролившись улием пчелиным.

(09/03/2016)

«Где мнимый соловей летел...»

Где мнимый соловей летел,
как дымный мим среди петель
дверных и точных мертвецов,
всходящих из его вдовцов,

на ловчий и прибрежный свет,
что в зреньё муравья продет
и вписан в божий этот март
в собранье тёмное петард,

что разгибают кислород
на дерево и рыбу, мёд
замедленный внутри у них
ключами медными бренчит

и выпускает птицу вверх
из соловьиных дыр, прорех
глазных, и плачет на весу
в силках, похожих на росу.

(14/03/16)

«За воздухом стеклянным лошадь спит...»

За воздухом стеклянным лошадь спит
кузнечиком, прижав к себе звезду,
которая в руках её звенит,
напоминая воды и дуду,

которые вдохнут её сюда
вдоль диафрагмы и лучей округлых,
ладонью слюдяной разжав углы
кузнечика, похожего на губы

и море в этой лошади ревет,
и небо обрывает лепестками,
похожими на шкуру от неё,
чей лабиринт расходится, как камень.

(15/03/2016)

«Руины неба = свет и язвы...»

Руины неба = свет и язвы
закручены по часовой
в язык прекрасно-безобразный,
лежащий раем под горой,

и скачет в косточке птенцовой,
надмирный выдох сохранив
в пчелином гуде, кровотока,
их шар из белой глубины,
как рой, наитие и Отче
законченной (почти) зимы...

и в букву зренье удлиняя,
пружину снега сократив,
земля дрожит, опознавая
тепло, колени и мотив

в обломке мартовском, что в темень
стучится медным своим лбом,
прощая имени скольженье,
где дышит муравьиным львом.

(18/03/2016)

Лопаты и львы

Крупнозернист пейзаж и беспокоен,
и протекает из подвод на март,
крупю медной тёплых колоколен
и – беден звук скребущих тьму лопат:

как речь моя, стоящая в пустотах,
горит в телеге, в лошади, в ночи
где соловей кровав, как цвирк неточный,
и в полый лес из мертвецов горчит,

когда я выхожу на бездорожье
и в каждом оке у меня два льва,
и выдоха четыре невозможных
живут сквозь камень на пробеле рта.

(20/03/2016)

«Человек, в луне качаясь...»

Человек, в луне качаясь,
сквозь китайский смотрит свет —
три портянки с ним осталось
из прозрачных снегирей,
и клюют до рёбер женщин
неопознанных его —

он идёт по переулку,
где кроваво и светло
ясени вырастают в марты
и катают шар ночной,
и играют шумно в нарды
под единственной ногой.

Голова луны, катаясь
в павшей птице, на ходу
отрывается от пашни
карусели белой страшной
человека, вслед за клювом
светом впаянным в слюду.

(23/03/2016)

«Дом окружён водой земли...»

Дом окружён водой земли,
повсюду мертвецы слышны —
невидимы, глубоки,
как валуны и сроки.

Идёт со мною чернозём,
как с воздухом со всех сторон
поднявшийся гудящий свет,
пересекая взгляд и снег.

Пусти меня, верни меня
осоке, русским сапогам,
гуляющим под водой живым,
в которых ангелы черны.

(29/03/2016)

«Дом окружён водой земли...»

Дом окружён водой земли,
повсюду мертвецы слышны —
невидимы, глубоки,
как валуны и сроки.

Идёт со мною чернозём
за воздухом со всех сторон
в поднявшийся гудящий свет,
пересекая взгляд и снег.

Пусти меня, верни меня
осоке, русским сапогам,
гуляющим под водой живым,
в которых ангелы черны.

(29/03/2016)

Существительное

Колоски, в снег [сплетаются] в шар
белый, утренний [марта], морозный
учащённые, как чёрный пар,
что порезом ложится продольным,
чёрно-белым на горло синиц —
в эти синие [наши] всмотрись
голосов перекошенных лица —
там, где скрип надрезает зрачки —
как больницы сухая страница:
без лица, без любви или крови
как лягушка, что в шарике ртути,
колесом голосит из травы
и лишь после клонится на убыль.

(30/03/16)

«В ледяной и восковой Москве...»

Даниле Давыдову

В ледяной и восковой Москве,
чьих мозаик срублен виноград,
каждый выбирает по себе —
потому что в чём-то виноват.

Лётчик проплывает словно жнец
над снопами ватными твоих
станций, подземелий и т. д.
вырывая медный твой язык

Покраснеет воздух золотой —
сладкой стружкой синиц немых, горя
жирной и промасленной лозой
горя, счастья, стрекозы труда,

чей рубанок ходит взад-вперёд.
Самолёт мерцает словно вход
в твой прекрасный жестяной Аид,
чижигом – под штопором – свистит,

где по пеплу каменный пилот,
приоткрыв несоразмерный рот,
словно гость, проходит сквозь твоих —
свет сосущих – мертвецов живых.

(30.03 – 02.04.2016)

«О, ветки тяжёлые птицы...»

О, ветки тяжёлые птицы,
полётов парные стволы,
апреля и сумрака спицы,
в которых блуждают волы,

двойные тоски разжимая
полёта своей часовой
почти невозможности рая
и речи почти не больной,

не больной, когда – расцарапав
лицо белых тощих ветвей —
стволов распускается пряжа,
взлетая из клетки корней!

Как эта пархатая стража
несётся по нити тугой —
без времени больше и страха —
себя вынимая дугой!

(03/04/2016)

«Человек [цепь и пёс вещества...»

Человек [цепь и пёс вещества,
воздух смёрзшейся смерти] едва
распечатал в дыхание плоть,
как пейзаж обращается в лёд.

В призме – полой, голодной – его —
человека подземный глоток —
развернёт рыжий свёрток зрачка
и слетают, как плод с дурачка

эта шкура, железо и смерть,
и куда теперь ехать – наверх? —
если выдох пейзажи скоблит —
и чего ещё нам говорить [?]

в слепоте, на свету, на свету —
через свет – тот, что камень во рту,
тот, что бабочки взорванный грот
разгибает, как скрепку, в полёт.

(05/04/2016)

«Это что? – вагон десятый ...»

Это что? – вагон десятый —
мёд из пепла и воды,
и жужжит в нём – виноватый
гуттаперчивый один,

чьё лицо из всплеска света
удлиняется в меня
близоруко и, наощупь
время птичкою отняв,

смерть мою он, как прощенье,
между крыльями несёт
шмель, змеящийся как воздух
меж телесных чёрных сот.

(8/04/2016 – 10/04/2016)

Стансы

Речь не условна и крива,
как коромысло и дуга,

её несущая внутри,
разбитая на лёд и льды,

когда здесь дождь идёт – вода
накручена на провода,

себя поёт и дребезжит
в жестянке птичьей, что лежит

на доньшке густом, земном
и слышит речи животом

и, отступаясь в глубину,
колодца свиток развернув,

на птицу смотрит белый рот
через пылающий осот —

сгущается до темноты
и из нутра звезды шуршит,

и крутится как колесо —
чуть горьковатую росой.

(04/2016)

Форточка

И исподволь, из пара, из подземной
норы апрельской, что внутри воды
плывёт к воде землю неизвестной,
расщерив золотые свои рты

в жуках, в птенцах из нефти или торфа,
которые полоскою густой
лежат межой за небом неответным
и белой поцарапанной губой,

которая свой сад им произносит
в солёные, как форточки стрижей,
снопы из света, что руками косит
собрание из нескольких детей.

(11/04/2016)

«Сиротствует ли тело...»

Сиротствует ли тело
иль смерть удалена,
изъята из предела,
побуквенно сдана

в багаж, в пейзаж, в природу,
в трамваи, что на бок
её слетались, плача,
в грачах минуя срок,

воронку покидая
в их малых небесах,
где ожиданье рая
длинней, чем полый страх,

где ангел твой закручен
в июля механизм,
как эллипс в голый воздух
из взгляда и ресниц,

и где жужжит в притоках,
бессмертная душа
и трогает уroda,
которым хороша.

(13/04/16)

Анестезия

Забудем предсказательниц своих,
чьи коготки, как снег анестезии,
царапают то шею, то лицо
и, как под линзой – то кажутся большими,
то выгнутыми, словно длинный звук
из-под земли вытягивая слух,
на всех своих окраинах фальшивит.

Ты помнишь [но не помнишь всё равно],
как посох, опиравшийся на тени,
двоился и – с тобой попарно шёл,
сквозь пар крошась на чёрно-белый иней,
в деревни вырастая за тобой,
в которые растаяли деревья
и костровой мгновенный мотылёк,
извлекающий из ландшафта только зренье,

где эпилептик птичий приподняв
округу, воздух, камни, руки, лица,
поток из их движенья извлекал
и запятыми начинал искриться
в отсутствующем выдохе забыт,
как устрица большая и больница

и запах, запах цвёл нашатыря —
похожие мы в тёмный свет входили
царапая то шеи, то себя —
как двери в дом, где мы себя забыли.

(14/04/2016)

Смотритель

В начале оленя, как омут, стоит
смотрящий путей и горит изнутри —

как ящерка в камне, как осень в шмеле,
как волчий язык и ожог в Шамиле.

В начале у ямы – терновник и хруст,
и шарик воздушный хлопком своим густ,

и тычется в тело воды густера,
и ива стучится [пора – не пора?],

и хнычет в ней детка, как омут, олень —
и лопасти мрака сияют сквозь тлен,

колени тоннелей подводных его
и лопасти света, который свело,

как ноги оленя, что ямой дрожит
в спиралях воды – сквозь раздвоенный шрифт.

(18/04/2016)

«Кадры беспорядочны. Идёшь...»

Кадры беспорядочны. Идёшь,
как струя через ребро и нож
разбираешь выдох на детали,
чтобы здесь тебя не узнавали
в слове ключевом [который Лот].

Или им вернёшь отображенье
и укуса яблочного жженья —
пятнышко из света и дерьма,
где ключи бренчат, как Брахмапутра
или столб, в котором спит жена.

Но выходишь – становясь деталью
зёрнышком и пикселем в глазу
и струя тебя перебивает
и визжит, что камень на фрезу.

Парк сгущается – как будто в темень Парки
завязали свой алкоголизм —
мёд и спирт, как след небесной сварки,
из зрачков расплавленных бежит,

и земля, в которой спишь и слышишь —
принимает в яблоню тебя —
всё, родная, в рёбра мои дышишь,
сквозь вокзал полуночный – черна.

(15—17/04/2016)

Кролик

Невидимый и шумный листопад
вдоль вертолётов клёна в сто голов
летающий через прятки и распад
в знак умножения, уложенный в тавро,

где кролик кувыркнётся через сад,
приветствуя пыльцу, а не цветы,
нору во мне раздвинув, как лицо,
чтобы глазеть, кто в той норе летит,

чьи лопасти, под воздухом звеня,
становятся смородиной в воде
и водят, как слепые, и стучат —
продольно сквозняку или дыре

впадая в детство, наготу и взгляд,
которые – сквозь кашель – унесёт
на щель похожий, голый листопад
сквозь кролика, похожего на вход.

(21/04/2016)

«Сбор майский нарциссов, трамваев и птиц ...»

Сбор майский нарциссов, трамваев и птиц —
стрекоз [деревянных, как утро]
солдаты, идущие в небе, без лиц,
в дожде, что вокруг парашютом
ложится и ест ледяных червяков,
чьи тени прозрачнее яблонь,
стоящих в окружности, без берегов,
похожих на темень и якорь,
похожих на этот протянутый стол,
в котором, как дым, оживает
разбухший от влаги, как смерть, мотылёк
и – словно паром – догорает.

(10/05/2016)

Подкидыш

Ты дом покинешь – развернётся он
на стаи и сады, где из ворон
был выбран или собран, как пятно
цветное и, где в скудное зерно
постукивает свет и, близоруко
ощупывая сердца погремуху,
горит, на нефть похожий, чернозём,
где речь моя глухонема, слепа
и только ночь моргает, как звезда,
и источается до линии – предела,
где лай лягушек вырастает в белый,
развёрнутый, как майский свёрток, мёд.

(11/05/16)

Крыжовник

Хруст воздуха, дающий имена
своим пещерам, ящерам, домам,
не достигающий из пены и воды
своих шагов, что ангелам страшны.

Коснись меня, мерца – словно хруст
сглотнул тебя здесь, светом наизусть
исчерпывая ямы и людей
водой, преувеличенной на дне,

чей шмель из хромосом, как май, двойных,
в пролёт пророс, пружинами скрипит,
из смерти сада, в рыжий глинозём,
въезжая кварцем через белый склон,

через крыжовник, тёмную петлю,
которого я, если повторю,
то стану частью хруста и стеблей,
пейзажа, горя и других корней.

(15/05/2016)

«[цитата луга] бабочка летит...»

[цитата луга] бабочка летит,
петли воздушной роет лабиринт,
которым так природа хороша,
что дышит, как повозка, не спеша.
Мы возле этой бабочки стоим,
что в бронзе света чашею летит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.